

УДК 821.161.1 Бажов-3 + 821.161.1 Бондин

И. Е. Васильев

**ПУТИ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
П. П. БАЖОВА И А. П. БОНДИНА**

В статье изучаются пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина. Показано, что самоопределение этих уральских прозаиков протекало в условиях интериоризации ценностей, связанных с приобщением к истории, культуре, природным особенностям края. Активизация регионального фактора способствовала становлению творческой индивидуальности писателей.

Ключевые слова: регион; идентичность; идентификационный ресурс; история; миф; фольклор; природа; диалект.

Региональная идентичность, проявляющаяся в чувстве сопричастности к жизни той или иной территории, любви к «малой родине», преломляет базовые ценности, личностные смыслы, которыми человек руководствуется в своей деятельности, поведении и взаимоотношении с людьми. Она генерирует пассионарность писателей, которые, решая свои художественные задачи, хотят сохранить местную специфику, передать дух региона, выразить собственную сращенность с устремлениями жизненных сил Урала. Попробуем рассмотреть пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П. П. Бажова и А. П. Бондина.

Хотя писатели эти разные и по жанровому профилю, и по масштабу художественного дарования, их объединяет любовь к родному краю, интерес к людям, природе, истории и культуре Урала. Они познакомились в 1923 г., когда обоим уже было за 40 лет, но литературная деятельность каждого только еще начиналась. «У нас завязалось знакомство, перешедшее в дружеские отношения, — вспоминал П. П. Бажов в статье “В начале пути”. — При посещении города Алексей Петрович неизменно находил время, чтобы заглянуть ко мне в редакцию или на квартиру и поговорить по вопросам литературы» [Бажов, 1989а, с. 297–298]. Бондин ценил в собеседнике образованность, знание истории и народной культуры, а Бажова привлекали пролетарская жилка тагильского самородка, доскональное «знание производства и быта». Бажов позже писал в одной из своих статей: «...у него было редкое преимущество: жизнь рабочего на производстве и в семье Бондин знал не “понаслышке”, не “с чужих слов”, не “на основе более или менее длительных наблюдений”, а как непосредственный участник этой жизни, известной ему во всех тонкостях» [Бажов, 1955, с. 97].

Но и сам Павел Петрович появился на свет и получил импульс к личностному становлению и развитию в поселково-заводской среде: он был сыном мастера пудлингово-сварочного цеха Сысертского металлургического завода. Из таких рабочих поселений, как Сысерть, и образовалась горнозаводская цивилизация на Урале. Историческое освоение территории, развитие и укрепление потенциала

промышленности стимулировало расширенное воспроизводство горнозаводского населения региона со своим бытом, культурой, типом ментальности. Это особое «сословие», впитавшее свойства аграрного и промышленного образа жизни. Социальная психология горнозаводчан формировалась и характером труда — работой на руднике, заводе, фабрике. Жизненный уклад и ментальность уральского рабочего во многом определялись поиском профессиональной состоятельности, обретением мастерства, вдумчивым отношением к своему делу. Это не просто наемный работник, способный с легкостью менять местожительство и производство, а житель заводского поселка, со своим домом, огородом, приусадебным участком и домашним хозяйством. Знаковыми для территории стали города-заводы, шахты и рудники, лесные промыслы и уголья. Растянувшийся на многие километры Уральский хребет, поросший лесом, богатый полезными ископаемыми, предоставивший возможность для добрососедского проживания многим народностям, выполнял и выполняет функцию границы Европы и Азии и одновременно соединяет разные социо- и этнокультурные сообщества в некую целостность.

Перед Бажовым и Бондиным, живущими и творящими на Урале, с неизбежностью вставала необходимость осмыслять эту укорененную в природе и истории жизненную целостность и собственную к ней причастность. Эта ситуация запускала программу поиска и репрезентации региональной идентичности — самоопределения каждого относительно региона, осознания собственной территориальной принадлежности. Постепенно приходило убеждение, что «они самодостаточны в своем жизненном опыте, знании народной психологии, языка, культуры, что нельзя отходить от локального уральского материала и нужно одно — писать» [Блажес, 2006, с. 4]. По мере того, как убеждение в собственной состоятельности крепло, писатели все более активно разворачивали свою творческую деятельность.

У Бондина к этому времени уже был драматургический задел: первую свою пьесу «Беззаконница» он написал еще в 1916 г., в 1919 г. продолжил драматургическую линию пьесой «На пороге великих событий», незамедлительно вошедшей в репертуар нескольких местных театров и изданную в 1924 г. под названием «Враги», вскоре список пьес пополнился новыми произведениями («Недора-зумение», «Энтузиасты», «Сон красного воина», «Из недавнего прошлого», «Эмигранты»). Со временем Бондин перестает осознавать себя драматургом и принимается за прозу. Будучи слесарем тагильского железнодорожного депо, Бондин прекрасно знал жизнь рабочего люда. К середине 1920-х гг. он создает серию небольших рассказов о тружениках-железнодорожниках: машинистах и стрелочниках, табельщиках и сторожах. Основанные на доподлинном знании профессиональных забот и быта рабочих, незатейливые по форме, добрые по тональности, рассказы создают почву для повестей «Уходящее», «Связчики», «Матвей Коренистов», появление которых свидетельствовало о писательском росте автора, расширении его художнического кругозора. А в следующем десятилетии Бондин принимается уже за романы «Лога» и «Ольга Ермолаева». В 1934 г. Бондин пишет повесть о детстве «Моя школа», получившую высокую оценку М. Горького, ставившего это произведение в один ряд с автобиографическими созданиями Льва Толстого и Сергея

Аксакова. Второй детской книгой стал сборник охотничьих рассказов «В лесу», наполненный увлекательными сюжетами общения с природой, внимательным, теплым отношением к миру детства.

Бажов начинает как журналист. Он пишет в 1920-е гг. публицистическую прозу, очерки, историко-документальные исследования прошлого. Таковы книги «Уральские были», «К расчету», «Пять ступеней коллективизации», «Бойцы первого призыва», «Формирование на ходу». Историко-публицистические книги Бажова, выросшие на сибирско-уральском материале, воспринимаются как части единого исторического полотна, освещенного светом пытливого внимания автора-исследователя. Однако уже в «Уральских былях» Бажова интересуют не только исторические реалии, но и приметы жизни, повороты судеб, народные характеры и реалистически осмысленные типы и личности. Изобразительная палитра Бажова-писателя расширилась в его повестях «За советскую правду», «Потерянная полоса», «Зеленая кобылка» и в полную силу обнаружила свои возможности в сказах.

В названных произведениях преломилась телеология уральского культурного ландшафта, определившая содержательное наполнение произведений, стратегии творческого поведения и писательские предпочтения П. Бажова и А. Бондина. Однако региональное не могло и не может существовать в отрыве от общекультурного. Быть писателем, выражающим современные стандарты, — значило мыслить и творить определенным образом: в соответствии не только с внутренними порывами, но и с вызовами времени. А время выдвигало на первый план мобилизационные задачи развития. Здесь необходимо сделать отступление в сторону характеристики общих литературных тенденций развития в 1920–1930-х гг. и показать отношение к ним со стороны наших уральских авторов.

Советская литература, начавшая свой путь после 1917 г., оказалась политически и идеологически ангажированной, подчиненной форсированной модернизации, инициируемой силами централизованной государственной власти. На Урале создавались писательские объединения, развивалась творческая самодеятельность, широко использовалась пресса, действовали книжные издательства. Развитие литературы протекало в условиях острой социально-идеологической конфронтации, разновременных попыток групп и отдельных игроков литературного поля продвинуться на доминирующие общественно-политические позиции с целью участия в коммунистических проектах развития страны на равных с центром основаниях. Однако творческие элиты, не допущенные до реальных рычагов управления, вынуждены были довольствоваться местным рынком обмена скромными символическими ценностями. Возникающие формы литературной жизни дублировали на местах то, что предлагал центр, писатели копировали столичные эталонные модели творчества. Исследователь культурных процессов на Урале отмечает: «В послереволюционный период в духовной жизни провинции начала усиливаться тенденция к потреблению готовой культурной продукции из центра. Самодеятельная культура превращалась в средство агитации, к тому же явно проигрывала образцам столичной культуры в зрелищности и богатстве эффектов» [Добрейцина, с. 282].

Тоталитарный режим правления, опирающийся на монополизм партийного командования во всех сферах общества и репрессивные органы власти, подчинил литературу своим целям, довольно быстро превратив ее в орудие воздействия на действительность и средство контроля над общественным сознанием. Литература стала проводником ритуализированной, существующей вне критики государственной политики. Проведенная в начале 1930-х гг. коллективизация коснулась и уральских писателей, оказавшихся в отделениях одного союза советских писателей и начавших исповедовать единые принципы социалистического реализма.

Осуществляющаяся в стране индустриализация выдвинула на первый план топику технических преобразований, мифологию коллективного труда, производственническую космогонию, продолжающую линию воспевания революционных «перемен» и созидания «нового мира», возникшую сразу после революции 1917 г. Урал как промышленная зона в 1930-е гг. стал местом распространения востребованных литературных технологий и обращенных к массовому сознанию актуальных писательских практик (производственная литература, очеркистика, литературное «ударничество», «бригадные» методы работы).

В этих условиях особую важность приобретали попытки ассимиляции нивелирующих тенденций центра. Осознавая, что значимое положение в обществе можно занять, только владея нужными культурными кодами, писатели выстраивали стратегии самореализации оптимальным для местных условий образом. Всплески активности побуждали к поиску альтернатив, и тогда провинциальная культура обнаруживала собственную духовно-символическую содержательность и креативность, разрабатывая, например, ценностно-смысловую перспективу с опорой на душевную близость и теплоту, соучастие, одомашненное видение природы и человека как средство получения доступа к символическим ценностям и реальным благам. Философия отчего края, впитанная с молоком матери, утверждала видение мира как родного, обладающего неповторимостью природно-климатических, географических, национально-исторических примет. Земля уральская и населяющие ее люди со своим неповторимым самосознанием и «духовной оседлостью» (Д. С. Лихачев) фокусировали художественный интерес на себе, что во многом и определяло характер и направленность творчества П. Бажова и А. Бондина.

Урал входил в их творчество прежде всего темой истории. Важность исторического компонента в процессах самоидентификации замечательно выразил Мартин Хайдеггер: «Люди — волей-неволей — вглядываются в прошлое, или точнее, в некий образ прошлого. Возможно, того и не осознавая, они делают это постоянно... Наше существование имеет темпоральный характер: мы не можем осмыслить его, если будем пытаться думать о нем как об обособленном от времени. Поскольку наше существование темпорально, оно имеет собственную историю. Отнюдь не тривиальная или незначительная, эта история образует то, что мы есть. Мы являемся тем, что мы есть в настоящий момент... сама наша идентичность возникает из историчности...» [Хайдеггер, с. 332].

Историей Урала и рабочим фольклором П. П. Бажов начал увлекаться, еще будучи учителем русского языка в Екатеринбургском епархиальном женском

училище. Став сотрудником редакции «Крестьянской газеты» в Екатеринбурге, П. П. Бажов продолжил сбор фольклорных материалов, рассматривая устные рассказы старых уральских рабочих «как своего рода историко-бытовые документы», начал заниматься архивными разысканиями. Его интересует история родных с детства Сысертских заводов, что нашло свое отражение в книгах «Уральские были» (1924) и «К расчету!» (1926). В них П. П. Бажов осветил историческое бытие Урала, показал роль труда в жизни уральских народных масс, изобразил думы и чаяния простых людей. Устное народное слово и исторические свидетельства послужили источником для изучения прошлой жизни. Опираясь на бытующие среди рабочих легенды, предания и поверья, Бажов через десять лет начал создавать и свои замечательные сказы.

Бондин в романе «Лога» изобразил судьбы золотоискателей конца XIX — начала XX в., их надежды на фарт и горькие разочарования, а в романе «Ольга Ермолаева» — жизнь рабочих медного рудника до и после победы пролетарской революции. Тяга к историческому дискурсу проявлялась у него в стремлении быть как можно ближе к натуре, избегая вымысла и фантазийных деталей. Установка на конкретность сюжетов видна уже в подзаголовках рассказов: «Рассказ старого рабочего», «Из жизни маленькой станции», «Из цикла портретов некоторых лиц». Аналогично мыслит и Бажов. Правда, по отношению к публицистике. Сошлюсь на мнение В. В. Блажеса, который относительно «Уральских былей» замечал: «...для П. Бажова “были” — это широкое жанровое определение, содержащее указание на прошлое, былое, и одновременно — на правдивость, достоверность, документальность...» [Блажес, 2007, с. 120]. Таким образом, история, организуя содержательное единство произведений уральских авторов, несла в себе идентификационные начала, фиксирующие базовые жизненные ценности и положительные, продуктивные смыслы.

Второй момент, объединяющий Бажова и Бондина в их творческом поиске, — вдумчивое изображение человека труда, осмысление труда как творчества, способного изменять мир. Так, героиня романа Бондина Ольга Ермолаева овладевает мужской профессией токаря и в азарте рационализаторства становится многостаночницей: «Я прошу и буду настаивать — решительно заявляет она, — чтобы мне дали два или три станка, и я докажу вам, товарищи, что я смогу на них работать одна. Есть у нас и строгальные станки, на которых тоже можно работать одному на двух» [Бондин, с. 529]. Это, конечно, не чисто уральский мотив — скорее, советский, в духе времени, тиражирующий трудовые подвиги стахановцев. Но вот у Бажова трудолюбие, репрезентирующее уральский характер, осмыслено с большей идентификационной нагрузкой. Главными героями многих своих сказов он делает уральских мастеров, любящих красоту и добивающихся совершенства в избранном деле. Осмысляя связь труда и творчества в жизни уральцев, Бажов отмечал: «... Камнерезы, гранильщики имели культ искусства. Люди чувствовали, что у одного удастся лучше, чем у другого, а третий выделяется из среды всех остальных, и это уже настоящий мастер» [Бажов, 1989б, с. 310]. Народные умельцы — камнерезы и гранильщики, доменщики и углежоги, рудознатцы и старатели — изображаются

как соль земли уральской, как люди достойные и праведные. Художник-гравер Иван Бушуев, мастер булата Швецов, литейных дел мастер Василий Торокин создают шедевры, которые становятся выражением уральского умения. И Бондин, и Бажов чувствуют солидарность со своими положительными героями как представителями именно Уральского региона. Эти герои — носители референтных стилей жизни, концептуальное воплощение художественной типизации. Они репрезентируют черты своеобразной личности, сформированной определенными общественно-историческими условиями, существовавшими на территории Урала.

Следующий идентификационный ресурс — природные условия края и региональная мифология. Каждая территория порождает свои локальные мифы об особых качествах пространства, ставшего местом для человеческого обитания. «Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности», — замечает современный исследователь [Черняева, с. 117]. Но существует и обратный ход, в рамках которого культурная рефлексия строит модель действительности с помощью нарративных самоосмыслений. Воображаемый образ местности существенно зависит от развитости коллективной памяти, сложившихся традиций, имеющих ценность и норм. Издавна общим местом в восприятии Урала, его геоприродных и социально-исторических особенностей было выделение «старости», первозданной «дикости» и «угрюмости», сказочной таинственности, мощи и величия. Фантастическая составляющая в изображении окружающего мира обусловлена древними поверьями, культом природы. В горной местности, каковой является территория Урала, естественно появление мифопоэтических представлений, связанных с поиском, добычей и переработкой минералов, руд, драгоценных камней и других полезных ископаемых, хранящихся в хтонической толще земли. На такие коллективные представления активно опирался Бажов, используя народные предания, легенды о «тайной силе»: демонологических персонажах типа Хозяйки Медной горы, Великого Полоза и др.

У Бондина таких мифологических деталей значительно меньше. Среди немногих актуализаций образов «нечистой силы» — Полудница в виде старухи с клюкой, в лохмотьях в четвертой главе романа «Лога» (Полудницей пугали ребятишек, чтобы они раньше времени не рвали в огороде горох, бобы и др.), словосочетания со словом *чомор* 'черт' («А куда он к чомору денется?», «А этих захребетников к чомору», «Пошла к чомору», [Бондин, с. 22, 83, 150]), словообозначение *шиликун* 'черт, домовый, водный дух' в начале повести «Школа». Бондин связывал иррациональное с бытовыми суевериями своих персонажей. Так, в романе «Лога» золотоискателю Якову Скоробогатову соседка предсказывает удачу, поскольку его сын родился и в сорочке, и в рубашке одновременно. Желая пристроить ему в долю своего мужа, она сопровождает просьбу дареньем змеиной шкуры — «выползка», с помощью которого, по поверьям, легче найти золото: «Вот я и говорю своему: бери да присоединяйся к Якову Елизарычу. У него сын в сорочке и рубашке родился. Да оба, да вместе и отправляйтесь на рудник. Клад найдете, а я уж заговорю то

и другое. Невиданное дело откроете. Эко, право. Ну, не слыхала я... Знаю, видывала, ребята в сорочке рожаятся, а уж еще и в рубашке... не видала... А выползок-от, Яков Елизарыч, лучше разрыв-травы действует. Твое счастье к золоту приведет, а наше — объявит» [Бондин, с. 18]. Герои Бондина верят в «сглаз» и «уроки», удачу («фарт») или, наоборот, в неудачу. Все, связанное с покойниками и загробным миром, наделяется сакральными смыслами: «...Я вечер видала, как во двор к вам спустилась звезда... Покойники или звездой, или огненным змием прилетают домой, а потом ударяются о землю и оборачиваются человеком» [Бондин, с. 298].

Налет таинственности сохраняется у Бондина и при изображении отдельных картин уральской природы, благодаря олицетворениям, метафорике описаний. Вот, например, сравнение панорамного вида просторов Урала с бушующим (т. е. проявляющим некую свою волю, как живое существо) морем: «Макар взобрался на вершину самого высокого шихана. Точно взбунтовавшееся море, застывшее с гребнями огромных валов, раскинулось перед его взглядом» [Бондин, с. 69]. Вот сравнение речки с живым существом: «Она то выбегала на елань и тихо, отражая небо, расстилала голубые плесы в травяном ковре, густо расшитом цветами, то забегала в темный ельник под тяжелые лапы вековых деревьев и ползла там черной беспокойной змеей, а в иных местах она сердито рокотала, точила камни, звенела, завертывала в заводину, крутила омота. Были места, где она таинственно шепталась с голубоглазыми незабудками. Все это было дико, красиво-задумчиво, тихо, чутко настораживало ухо, шаг делало легче, бесшумней, осторожней, как у рыси, подстерегающей свою добычу» [Бондин, с. 70].

Региональная идентичность базируется не только на чувстве истории, гео-поэтических символических проекциях, культурных наслоениях и ментальных ориентациях, формирующих принадлежность к «малой родине», но и на лингвокультурных факторах. Особенно это важно для писательского самоопределения. Разработка собственного идиостиля для писателей, стремящихся не оторваться от родной почвы, требовала опоры на локальный речевой опыт¹. Художественный «региолект» (концептуально-содержательное выражение региональной идентичности, осуществляемое вербально) так или иначе оказался у Бажова и Бондина связан с территориальными особенностями языка. Но уральскими говорами и местными речениями писатели пользовались весьма дозированно, с чувством меры.

Бажов мотивировал ввод разговорных пластов лексики и диалектизмов художественной формой используемого нарратива — повествования от вымышленного лица. Бажовский рассказчик во всех своих основных модификациях — это представитель мира уральских горнозаводских рабочих, старый человек, умудренный опытом и знающий множество жизненных случаев, происшествий. Его языковое сознание обладает целостностью, определяемой условиями существования,

¹ Отметая упреки в языковом натурализме, связанном с использованием местных слов, А. П. Бондин вполне логично парировал выпады оппонентов: «Раз пишешь на Урале и об Урале, должен отразить и особенности речи» [Бажов, 1989б, с. 299].

народными представлениями о счастье, труде, мастерстве, а речь несет на себе печать уральского колорита.

Речевая манера рассказчика является следствием тех социально-психологических напластований, которые создавали его как личность, имеющую свои возрастные особенности, принадлежащую к определенному социальному кругу, сформированную соответствующим укладом жизни. Совокупность этих социально-исторических и индивидуально-психологических черт рассказчика нужна Бажову как жизненная позиция человека, удобная для ведения рассказа и освещения событий. Скромность, юмор, житейская умудренность, осуждение неприемлемых форм поведения (хищничества, стяжательства, аморальности, лени и т. д.) — все эти качества характеризуют рассказчика как представителя народной среды (поэтому нет дистанции между ним и положительными героями из народа). В его облике многое определяют и уральская родословная, и связь с фольклором, и органическое произрастание из горнозаводского быта, и владение устно-разговорным способом речеведения. Вместе с тем бажовский повествователь это и сам автор, писатель Бажов, умеющий «быть в образе» без театральщины. Речь поэтому идет не об имитации, подражании и даже стилизации (хотя без всех этих моментов бажовские повествования так или иначе не обходятся), а об органической способности к перевоплощению и художественной самоидентификации с воображаемым образом сказителя. Именно такого рода репрезентации самобытности и позволили Бажову стать не только носителем, но и, по выражению А. Иванова, «творцом уральской идентичности» [Иванов, с. 153].

Бондин использовал диалектизмы в основном в речи героев. В прилагаемых к изданию его произведений «Словарях местных слов и специальных терминов» можно прочесть, что *бурак* — это «цилиндрический сосуд из бересты», а *восетта* означает «недавно, на днях», *гайно* то же самое, что «логово зверя, гнездо белки», *хаврулька* — «большой самородок золота», *связчик* — не специалист по связи или связыватель каких-либо предметов, вещей, а «компаньон по совместной добыче золота». Такого рода словоупотребления выполняют познавательную функцию, расширяя представление об изображаемом уральском материале. Экспрессия, свойственная нелитературной лексике, динамизирует повествование, привлекая и задерживая на себе внимание читателя, выражая отношение автора к описываемому явлению либо персонажу. Уральские диалектные компоненты у Бондина используются для речевой характеристики персонажа, его индивидуализации и создания художественного обобщения, а также помогают реалистическому отображению создаваемой художественной картины.

Завершая разговор о путях обретения и развития региональной идентичности Бажовым и Бондиным, заметим, что список их писательских идентификационных возможностей, конечно же, не исчерпывается приведенными в статье иллюстрациями. В наши задачи входило намерение лишь привлечь внимание к основным проблемам творческого самоопределения двух уральских прозаиков.

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники / сост. В. А. Бажова, М. А. Батин. Свердловск, 1955. [Bazhov P. P. Publitsistika. Pis'ma. Dnevniki / sost. V. A. Bazhova, M. A. Batin. Sverdlovsk, 1955.]

Бажов П. П. В начале пути // Бажов П. П. Дальнее — близкое: Повести, очерки, статьи, выступления / подгот. текста, послесл. и коммент. Л. М. Слобожаниновой. Свердловск, 1989а. [Bazhov P. P. V nachale puti // Bazhov P. P. Dal'nee — blizkoe: Povesti, ocherki, stat'i, vystupleniya / podgot. teksta, poslesl. i komment. L. M. Slobozhaninovej. Sverdlovsk, 1989a.]

Бажов П. П. Выступление на Уральской межобластной научной конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе» // Бажов П. П. Дальнее — близкое: Повести, очерки, статьи, выступления / подгот. текста, послесл. и коммент. Л. М. Слобожаниновой. Свердловск, 1989б. [Bazhov P. P. Vystuplenie na Ural'skoj mezhoblastnoj nauchnoj konferentsii «Nastoyashee i proshloe Urala v khudozhestvennoj literature» // Bazhov P. P. Dal'nee — blizkoe: Povesti, ocherki, stat'i, vystupleniya / podgot. teksta, poslesl. i komment. L. M. Slobozhaninovej. Sverdlovsk, 1989b.]

Блажес В. В. Литературные Петровичи // Тагильский рабочий. 2006. 9 авг. [Blazhes V. V. Literaturnye Petrovichi // Tagil'skij rabochij. 2006. 9 avg.]

Блажес В. В. Константин Боголюбов и Павел Бажов (из истории литературы Урала 1930–1940-х гг.) // Литература Урала: История и современность : сб. ст. Вып. 3. III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)», Екатеринбург, 11–13 окт. 2007 г. : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2007. [Blazhes V. V. Konstantin Bogolyubov i Pavel Bazhov (iz istorii literatury Urala 1930–1940-kh gg.) // Literatura Urala: Istoriya i sovremennost' : sb. st. Вып. 3. III Vseros. nauch. konf. «Literatura Urala: avtor kak tvorcheskaya individual'nost' (natsional'nyj i regional'nyj aspekty)», Ekaterinburg, 11–13 okt. 2007 g. : v 2 t. Т. 2. Ekaterinburg, 2007.]

Бондин А. П. Избранное : в 2 т. Т. 2. М., 1958. [Bondin A. P. Izbrannoe : v 2 t. Т. 2. М., 1958.]

Добрейцина Л. Е. Художественная жизнь Нижнего Тагила в первой половине XX века : дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2002. [Dobrejsina L. E. Khudozhestvennaya zhizn' Nizhnego Tagila v pervoj polovine XX veka : dis. ... kand. kul'turologii. Ekaterinburg, 2002.]

Иванов А. Хребет России. СПб., 2010. [Ivanov A. Khrebet Rossii. SPb., 2010.]

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. [Khajdegger M. Bytie i vremya. М., 1997.]

Черняева Т. Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека : сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». М., 2006. [Chernyaeva T. Gorod: proizvodstvo identichnostej // Grazhdanin mira ili plenik territorii? K probleme identichnosti sovremennogo cheloveka : sb. materialov vtoroj ezhegodnoj konf. v ramkakh issled. proekta «Lokal'nye istorii: nauchnyj, khudozhestvennyj i obrazovatel'nyj aspekty». М., 2006.]

Статья поступила в редакцию 02.02.2014 г.